

Изучение в России проблемы церковной автокефалии в социально-политическом контексте XIX — начала XX в.*

Т. В. Чумакова¹, М. Моравчикова²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² Трнавский университет,
Словацкая Республика, 91843, Трнава, ул. Хорнопотоцна, 23

Для цитирования: Чумакова Т. В., Моравчикова М. Изучение в России проблемы церковной автокефалии в социально-политическом контексте XIX — начала XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 3. С. 582–593. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.314>

Статья посвящена изучению проблемы автокефалии православных церквей в России в XIX–XX вв. Интерес к этому аспекту православной экклезиологии и канонического права усилился в тот период не столько благодаря развитию православного богословия в России, сколько из-за того, что этот вопрос приобрел политическое значение в связи с проблемами внутренней и внешней политики Российской империи. Присоединение в начале XIX столетия Грузии к России и ликвидация Грузинской автокефальной церкви решением светской власти стали причиной того, что вопрос об автокефалии Грузинской церкви оказался более чем на столетие одним из основных поводов для антиправительственных настроений среди грузинской элиты, традиционно тесно связанной с клерикальными кругами. Внешнеполитические интересы империи на Ближнем Востоке и в Малой Азии способствовали также интенсификации научных исследований по истории и современному устройству древних патриархатов. И, конечно же, мощнейшим фактором, содействовавшим усилению исследовательского интереса, стало появление новых автокефальных церквей: Греческой и Болгарской, отделившихся от Константинопольского патриархата. Отделение Болгарской церкви вызвало активную полемику в российской печати, высветившую важную для православной традиции проблему национализма. В приложении к статье публикуется текст доклада В. Н. Бенешевича о возможности получения Грузинской церковью автокефалии в 1917 г. Доклад был подготовлен по заданию Временного правительства и хранится в фонде В. Н. Бенешевича в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук.

Ключевые слова: автокефалия, православие, религиоведение, история изучения религии в России, история религии, интеллектуальная история.

В последнюю четверть XX века резко усилился интерес различных исследователей, как конфессиональных, так и светских, к вопросам автокефальных (местных) православных церквей [1]. В основном это связано с тем, что после рас-

* Подготовлено при поддержке гранта РНФ № 16-18-10083 «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX — первой половины XX в.».

пада СССР и социалистического блока возникло множество новых религиозных организаций, значительная часть которых являлась православными, и те из них, которые ощущали значительную политическую (и что немаловажно — финансовую), внешнюю поддержку, объявляли о своем автокефальном статусе. Тут можно вспомнить Украинскую автокефальную православную церковь, вошедшую в состав Православной церкви Украины, которой Константинопольская церковь даровала томос об автокефалии в 2019 г. [2], а также Македонскую православную церковь [3], которая заявила о своей независимости от Сербской православной церкви еще в то время, когда Северная Македония входила в состав Югославии. И в том и в другом случае новые церкви получили значительную поддержку национальных политических элит и достаточно многочисленной национальной диаспоры (Македонская ПЦ в 2004 г. в государственной декларации «В поддержку Македонской православной церкви» была объявлена единственной законной православной церковью на территории Македонии). Споры вокруг предоставления автокефалии Украинской церкви разворачивались в пространстве как политическом, так и каноническом [4] и способствовали тому, что в очередной раз был поднят вопрос, что же представляет собой автокефалия в аспекте церковно-правовом [5] и кто ее может даровать. Споры велись по разным направлениям, и в первую очередь они касались старого вопроса о первенстве Константинопольского патриархата и о том, имеют ли право такие «молодые церкви», как Русская православная, даровать автокефалию или это право лишь древних «пентархийных церквей». Учение о «пентархии» [6] и исключительных правах «второго Рима» — Константинополя актуализировалось на фоне споров о правах автокефальных церквей, а также о праве церквей на получение полной самостоятельности. Список «канонических церквей», входящих в так называемый диптих православных церквей, за исключением пентархийных патриархатов, никогда не был постоянным, какие-то церкви появлялись в нем, какие-то исчезали, и поскольку документы не всегда сохранялись (и иногда даже неизвестно, были ли эти документы), то спустя тысячелетие порой сложно определить, было ли это дарование некой ограниченной самостоятельности (как в современных автономных церквях, которые зависят от «матери церкви») или дарование независимости (автокефалии) (примером этого казуса является история Грузинской церкви, которая первоначально была в составе Антиохийского патриархата) [7]. Разделение церквей по административным границам возникло в Римской империи, когда христианство стало легальной религией и появилась необходимость согласования норм римского права с традициями и нормами христианской церкви. Тогда и определились границы пяти древнейших патриархатов: Римского, Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского, и два имперских города — Рим и Константинополь — начали спор за право на первенство [8].

Российская империя с начала XIX столетия активно использует свои традиционные связи с древними патриархатами, поскольку это способствует политической и культурной экспансии империи на Ближнем Востоке, в Малой Азии и на Балканах. Современный исследователь отмечает: «Эпоха регулярных церковно-дипломатических контактов России с православным Востоком открывается в первой половине XIX в.: в России появляются постоянные представительства патриарших престолов (Иерусалимское, позже Антиохийское и Александрийское подворья в Москве), а с середины 1830-х годов греческие патриархи активно используют воз-

возможности своих российских “эпитропов” из числа влиятельных русских паломников, таких как А. Н. Муравьев, А. С. Норов, граф Н. В. Адлерберг и др. Российское правительство со своей стороны стремилось поддержать православие на Востоке, считая Православную церковь на территории Турции своей естественной опорой для ведения собственной политики» [9]. Все это не могло не способствовать усилению интереса и к вопросу автокефалии, тем более что появление в XIX в. новых православных церквей затрагивало внешнеполитические интересы Российской империи [10]. Первой после окончания войны за независимость [11] о создании независимой церкви заявляет Греция (Константинополь подтвердил ее автокефалию почти через тридцать лет), затем, после получения государственной независимости, — Румыния (1865), ее независимость Константинополь признал в 1885 г. В 1872 г. Стамбул в русле реформ второй половины XIX в. [12], изменяя свою внутреннюю политику по отношению к Константинопольскому патриархату, дарует автокефалию Болгарской православной церкви. Этот, казалось бы, странный факт (церковная независимость была дарована султанским фирманом) на самом деле не столь удивителен, ведь после присоединения Грузии к Российской империи юридическое решение об упразднении Грузинской автокефальной церкви и ее присоединении к Российской ПЦ было принято не Собором и даже не Синодом, а императором Александром I. В 1879 г. о своей независимости заявила Сербская церковь. Сколь бы различно ни протекало образование этих поместных церквей, общим было то, что процессы эти оказались непростыми, в них участвовала и светская, и церковная дипломатия, и во всех этих государствах образование автокефалий было связано с борьбой национальных элит за культурную и религиозную независимость, за сохранение культурного своеобразия, важной частью которого являлись православные религиозные традиции. И если создание автокефальной церкви в независимой Греции протекало относительно спокойно и Вселенский патриархат достаточно быстро признал автокефалию Греческой церкви [13], то получение независимости Болгарской церковью, которой Вселенский патриархат даровал и у которой отбирал автокефалию не раз, было очень сложным и в результате привело к серьезной дискуссии о православии и национализме, вылившейся не только в ожесточенные споры на страницах газет и журналов (в том числе и в России), но и в то, что на поместном Константинопольском соборе 1872 г. впервые был поднят вопрос о филетизме — внесении «в Церковь племенных делений, двоевластия, распрей и вследствие этого вторжения в область церковного единства» [14, с. 64], — в котором были обвинены болгары, подвергнутые Вселенским патриархатом схизме. Все эти вопросы привлекали живейшее внимание историков церкви [15], публикации, в которых они затрагивались, стали появляться с 1871 г. Первой вышла работа Е. Е. Голубинского «Краткий очерк истории православных церквей Болгарской, Сербской и Румынской или Молдо-Валашской», вслед за ней начали выходить многочисленные статьи и монографии по истории отдельных православных церквей И. С. Пальмова, М. П. Чельцова, Ф. А. Курганова, Н. Ф. Каптерева и др. А. П. Лопухин, подготовивший перевод двухтомной монографии Джемса К. Робертсона «История христианской церкви от апостольского века до наших дней», во втором томе сделал существенное дополнение по современной истории православных церквей. Говоря о научных трудах, затрагивающих проблемы автокефалии, необходимо упомянуть работы специалистов по каноническому праву. В университетах

Российской империи с 30-х годов XIX столетия преподавалось церковное право, а позже возникли и специализированные кафедры, преподаватели занимались изучением церковно-государственных отношений, а также канонического права различных церквей, и, конечно, они не могли обойти своим вниманием столь важную тему. Значительное внимание вопросам автокефалии уделял профессор Казанской духовной академии и Казанского университета Илья Степанович Бердников (1839–1915), автор «Краткого курса церковного права православной церкви», а также монографии «Основные начала церковного права православной церкви», написанной в ответ на критику «Краткого курса».

Однако, говоря о социально-политическом контексте, нельзя забывать и интереса философов, а также публицистов и широкой российской публики консервативного толка, близких к националистическим и славянофильским кругам. Их волновали проблемы церковно-государственных отношений в православных церквях, тема национализма в православии, оказавшаяся едва ли не главной темой автокефалистских дискуссий XIX–XX вв. [16]. Среди наиболее ярких авторов можно упомянуть Третья Иванова Филиппова (1825–1899), публициста (публиковался в «Москвитяине», «Русской беседе» и др.), государственного чиновника, собирателя фольклора и знатока современного состояния православных церквей, состоявшего в переписке с вселенскими патриархами. Филиппов посвятил теме автокефалии множество статей и разделов в монографиях. Нельзя также забывать о философе К. Н. Леонтьеве (1831–1891), который неоднократно касался этих вопросов не только в переписке с Филипповым, но и во многих своих статьях. В этом легко убедиться, открыв вышедший в 1885 г. сборник статей К. Н. Леонтьева «Восток, Россия и славянство», где почти все статьи затрагивают упомянутые выше проблемы. Леонтьев и Филиппов относились к тем российским интеллектуалам, которые выступали против филетизма, т. е. против внесения в церковь этнического элемента, угрожающего единству православных церквей. Схожие взгляды были и у публициста, редактора московской газеты «Восток» и историка церкви Николая Николаевича Дурново (старшего) (1842–1919). Несмотря на свои крайне консервативные взгляды, близкие к взглядам членов Союза русского народа, в котором состояли его сыновья, в своей газете «Восток» и после ее закрытия в брошюрах, которые он издавал на собственные средства, Дурново постоянно выступал с критикой как светских, так и церковных властей за их последовательную политику по отношению к Константинопольскому патриархату и к православным церквям Балканского полуострова и последовательно с начала XX в. отстаивал право Грузинской церкви на независимость, став в 1917 г. непримиримым оппонентом В. Н. Бенешевича.

Гибель Российской империи в 1917 г. не остановила споры об автокефалии, а открыла для автокефалистов новые возможности, поэтому после февраля 1917 г. требования автокефалии раздалась оттуда, где религиозный фактор был достаточно значим для национальной культуры, а также существовали мощные националистические движения и политические партии, выступавшие за федерализацию. Такими регионами на территории бывшей Российской империи являлись Грузия и Украина. Но если украинское духовенство не только было крепко интегрировано в имперский нарратив, но и с XVII столетия участвовало в его формировании, то грузинское было тесно связано с национальными элитами Грузии, интегрировано в антиимперский национальный нарратив и имело тесные связи с различными

грузинскими политическими партиями. Поэтому даже для партий социалистической ориентации в Грузии церковь стала одним из главных символов национальной идентичности и независимости (как культурной, так и политической). Для империи такая позиция была неприемлема, поскольку создавала угрозу государственной стабильности [17]. Автокефалистское грузинское движение усилилось во время революции 1905 г. и получило мощную поддержку в России [18]. Наиболее ощутимой она оказалась в имперской столице, в Санкт-Петербурге, где проживало много грузин, и в Императорском Санкт-Петербургском университете существовала кафедра грузинской словесности (в 1884 г. объединенная с кафедрой армянской словесности). Долгие годы ею руководил активный сторонник грузинской автокефалии, выходец из среды грузинского духовенства, выпускник Тифлисской духовной семинарии профессор А. А. Цагарели, после ухода на пенсию передавший кафедру своему ученику Н. Я. Марру. Ученые, работавшие на этой кафедре, внесли большой вклад в популяризацию и изучение не только истории средневековой грузинской литературы, но и истории грузинской церкви. Сразу после Февральской революции 1917 г. петроградская «грузинская партия», к которой смело можно отнести не только выходцев из Грузии, но и Н. Н. Дурново (старшего), способствовала тому, что в публицистике вопрос о грузинской автокефалии рассматривался не столько как церковный, сколько как политический, приобретший реальные очертания после 12 марта 1917 г., когда грузинские клирики и миряне собрались в Мцхете на «завещанный апостолами строй правления церковной жизни — Церковный Собор» [19, с. 418] и объявили об освобождении Грузинской церкви от имперского наследия и возвращении автокефалии. «В ограде Мцхетского собора» было заявлено: «Из надтреснутой груди выблевывает горечь 116-летнего рабства... По повелению генерала поставили правителем Иверской церкви чрез посредство Экзарха Русский Синод! Таким образом, русскую церковь, эту младшую сестру Иверской Церкви, поставили госпожой над нами: дабы заставить сестер возненавидеть друг друга» [19, с. 418]. Поскольку Грузия в 1917 г. еще не вышла из состава России, то возникла сложная ситуация, связанная с неурегулированностью светского и церковного законодательства (к этому моменту правительство уже приняло акты о свободе совести). 27 марта 1917 г. Временным правительством был издан акт «Об установлении правовых последствий, связанных с восстановлением автокефалии древней Православной Грузинской церкви с Мцхетским Католикосом во главе». В этом акте оно признало право Грузинской церкви на независимость, оговорив, что дальнейшие шаги по определению ее правового статуса в России принадлежат Учредительному собранию, а также указало, что закрепление этого акта — дело Грузинской и Русской православных церквей, поскольку данное постановление не касается канонической стороны. Главной для Временного правительства была проблема финансирования религиозных организаций, а также раздела собственности Грузинской и Русской православных церквей. Многие общественные и религиозные деятели, в частности епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), считали, что решение грузин необходимо поддержать без всяких оговорок. Но правительство делегировало в Тифлис византилиста и специалиста по каноническому праву, профессора кафедры канонического права Петроградского университета В. Н. Бенешевича. Из материалов архива В. Н. Бенешевича, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, мы знаем, что он тщательно работал над этим вопросом,

заявившись всерьез изучением истории грузинского православия со времен легендарной св. Нины. В Тифлисе он провел почти детективное расследование, сделав акцент не на «благодати», а на «законе», что было чрезвычайно сложно в то время, когда вся система законодательства разваливалась. Результатом его деятельности в Грузии, в частности, стал доклад, который мы публикуем в приложении к статье.

Литература

1. Hovorun, C. (2018), *Scaffolds of the Church: Towards Poststructural Ecclesiology*, Cambridge: James Clarke/Eugene, OR: Wipf & Stock.
2. Rohozinska, J. and Shpak, V. (2019), Ukraine's Post-Maidan Struggles: The Rise of an "Outsider" President, *Journal of Democracy Johns Hopkins University Press*, vol. 30 (1), pp. 33–47.
3. Mylonas, C. (2003), *Serbian Orthodox Fundamentals: The Quest for an Eternal Identity*, Budapest and New York: Central European University Press.
4. Hovorun, C. (2018), The Orthodox Church in Ukraine: A Century of Separation by Nicholas E. Denysenko, *Journal of Orthodox Christian Studies*, vol. 1 (2), pp. 225–227.
5. Кырлежев, А. (2016), Мировое православие: типология автокефальных церквей, *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, т. 34 (1), с. 74–101.
6. Purpura, A. M. (2017), *God, Hierarchy, and Power: Orthodox Theologies of Authority from Byzantium*, New York: Fordham University Press.
7. Werth, P. (2006), Georgian autocephaly and the ethnic fragmentation of orthodoxy, *Acta Slavica Iaponica*, vol. 23, pp. 74–100.
8. Panagiotopoulos, I. (2003), *The patriarchal institution in the Early Church. The Pentarchy of the Patriarchs. The presuppositions, the evolution and the function of the institution*, Athens.
9. Вах, К. (2014), Церковное представительство России на Православном Востоке: апокрисиарии в Константинополе или Русская Духовная Миссия в Иерусалиме? (К постановке вопроса), *Православный палестинский сборник*, № 110, с. 21–63.
10. Dakin, D. (1973), *The Greek Struggle for Independence, 1821–1833*, Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
11. Герд, Л. А. (2016), Константинопольская патриархия и русская церковь перед революцией, *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, т. 34 (1), с. 280–307.
12. Davison, R. H. (2015), *Reform in the Ottoman Empire, 1856–1876*, Princeton: Princeton University Press.
13. Mavrogordatos, G. Th. (2003), Orthodoxy and nationalism in the Greek case, *West European Politics*, vol. 26 (1), pp. 117–136.
14. Кирион (епископ Сухумский) (2014), Национальный принцип в Церкви, в *Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного присутствия (1906 г.)*, т. 3: Продолжение журналов заседаний Второго, Третьего, Четвертого и Пятого отделов, М.: Изд-во Новоспасского монастыря, с. 64.
15. *Изучение истории Поместных Православных церквей. Введение в историю церкви. Ч. 2: Обзор историографии по общей истории церкви* (2015), ред. Симонов, В. В., СПб.: Алетейя.
16. *Orthodox Christianity and Nationalism in Nineteenth-Century Southeastern Europe* (2014), New York: Fordham University Press, Editions Leusteaned L. N.
17. Gvosdev, N. K. (2000), *Imperial Policies and Perspectives towards Georgia, 1760–1819*, New York: St. Martin's Press.
18. Цагарели, А. А. (1912), *Статьи и заметки по грузинскому церковному вопросу: К столетию (1811–1911 гг.) вдовства Грузинской церкви*, СПб.: Типография Главного управления уделов.
19. Chumakova, T. V. (2017), Vladimir N. Beneshevich on the church and revolution, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, т. 33 (4), с. 414–424.

Статья поступила в редакцию 8 декабря 2019 г.;
рекомендована в печать 2 июля 2020 г.

Контактная информация:

Чумакова Татьяна Витаутасовна — д-р филос. наук, проф.; t.chumakova@spbu.ru
Моравчикова Михаэла — д-р теологии, проф.; moravcikova@gmail.com

Studying the problems of church autocephaly in the socio-political context of the 19th — early 20th centuries in Russia*

T. V. Chumakova¹, M. Moravchikova²

¹ St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² Trnava University,
23, Hornopotočná, Trnava, 91843, Slovak Republic

For citation: Chumakova T. V., Moravchikova M. Studying the problems of church autocephaly in the socio-political context of the 19th — early 20th centuries in Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2020, vol. 36, issue 3, pp. 582–593. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.314> (In Russian)

The article is devoted to the study of the problem of autocephaly of Orthodox Churches in Russia during the nineteenth and twentieth centuries. Interest in this aspect of aspect of Orthodox ecclesiology and canon law intensified not only because of the development of Orthodox theology in Russia, but also due to the fact that this problem acquired political significance. It was connected with some matters of domestic and foreign policy of the Russian Empire. The annexation of Georgian in the early nineteenth century and liquidation of the autocephaly of the Georgian Church by the decision of the secular authorities provided the enduring source of the anti-governmental mood among Georgian elite, traditionally closely connected with the local clergy. The foreign policy interests of the empire in the Near East and Asia Minor also contributed to the intensification of research in the field of ecclesiastic history and the modern structure of ancient patriarchates. The greatest factor that contributed to an increase in such research interests was the emergence of new autocephalous churches: the Greek and Bulgarian churches separated from the Patriarchate of Constantinople. Separation of the Bulgarian Church provoked an aggressive polemic in the Russian press. The problem of nationalism was highlighted, which is significant for the Orthodox tradition. As an attachment to the article, the authors include the text of a report on the possibility of the autocephaly of the Georgian Church composed by Vladimir Beneshevich in 1917. The report was made upon request of the Provisional Government and it is preserved in the collection of Beneshevich at the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: autocephaly, orthodox, religious studies, history of Religion in Russia, the history of the study of religion in Russia, intellectual history.

References

1. Hovorun, C. (2018), *Scaffolds of the Church: Towards Poststructural Ecclesiology*, Cambridge: James Clarke/Eugene, OR: Wipf & Stock.
2. Rohozinska, J. and Shpak, V. (2019), Ukraine's Post-Maidan Struggles: The Rise of an "Outsider" President, *Journal of Democracy*, vol. 30 (1), pp. 33–47.
3. Mylonas, C. (2003), *Serbian Orthodox Fundamentals: The Quest for an Eternal Identity*, Budapest and New York: Central European University Press.
4. Hovorun, C. (2018), The Orthodox Church in Ukraine: A Century of Separation by Nicholas E. Denysenko, *Journal of Orthodox Christian Studies*, vol. 1 (2), pp. 225–227.
5. Kyrlezhev, A. (2016), World Orthodoxy: Typology of Autocephalous Churches, *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 34 (1), pp. 74–101. (In Russian)
6. Purpura, A. M. (2017), *God, Hierarchy, and Power: Orthodox Theologies of Authority from Byzantium*, New York: Fordham University Press.

* This article was done for the project no. 16-18-10083 of Russian Science Foundation "The Study of Religion in Social and Cultural Context of the Epoch: the History of Religious Studies and Intellectual History of Russia in 19th — first half of 20th century".

7. Werth, P. (2006), Georgian autocephaly and the ethnic fragmentation of orthodoxy, *Acta Slavica Iaponica*, vol. 23, pp. 74–100.
8. Panagiotopoulos, I. (2003), *The patriarchal institution in the Early Church. The Pentarchy of the Patriarchs. The presuppositions, the evolution and the function of the institution*, Athens.
9. Vakh, K. (2014), Church Representation of Russia in the Orthodox East: Apocrisiaries in Constantinople or the Russian Spiritual Mission in Jerusalem? (To the question), *Pravoslavnyi palestinskii sbornik*, no. 110, pp. 21–63. (In Russian)
10. Dakin, D. (1973), *The Greek Struggle for Independence, 1821–1833*, Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
11. Gerd, L. A. (2016), The Patriarchate of Constantinople and the Russian Church before the revolution, *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 34 (1), pp. 280–307. (In Russian)
12. Davison, R. H. (2015), *Reform in the Ottoman Empire, 1856–1876*, Princeton: Princeton University Press.
13. Mavrogordatos, G. Th. (2003), Orthodoxy and nationalism in the Greek case, *West European Politics*, vol. 26 (1), pp. 117–136.
14. Kirion (bishop Sukhumskiy) (2014), National principle in the church, in *Zhurnaly i protokoly zasedaniy vysochayshe uchrezhdennogo Predsobornogo prisutstviya (1906 g.)*, vol. 3, *Prodolzheniye zhurnalov zasedaniy Vtorogo, Tret'yego, Chetvertogo i Pyatogo otdelov*, Moscow: Izdatel'stvo Novospasskogo monast'ya Publ., p. 64. (In Russian)
15. *Studying of the history of Local Orthodox Churches, Introduction to Church History. Part 2: Review of the Historiography on General Church History* (2015), ed. by Simonov, V. V., St. Petersburg: Aleteia Publ. (In Russian)
16. *Orthodox Christianity and Nationalism in Nineteenth-Century Southeastern Europe* (2014), New York: Fordham University Press: Editions Leusteaned L. N.
17. Gvosdev, N. K. (2000), *Imperial Policies and Perspectives towards Georgia, 1760–1819*, New York: St. Martin's Press.
18. Tsagareli, A. A. (1912), *Articles and notes on the Georgian church issue: By the centenary (1811–1911) of the widowhood of the Georgian Church*, St. Petersburg: Tipografia Glavnogo upravleniia udelov Publ. (In Russian)
19. Chumakova, T. V. (2017), Vladimir N. Beneshevich on the church and revolution, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofii i konfliktologii*, vol. 33 (4), pp. 414–424.

Received: December 8, 2019

Accepted: July 2, 2020

Authors' information:

Tatiana V. Chumakova — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; t.chumakova@spbu.ru

Michaela Moravchikova — Dr. Sci. in Theology, Professor; moravcikova@gmail.com

Приложение

Бенешевич В. Н. Выводы из доклада об автокефалии¹

Выводы из моего доклада таковы:

По моему убеждению, автокефалия Грузинской Церкви нужна, поскольку Грузия в церковном отношении представляет много своеобразного и в научном отношении может дать нечто ценное. С автокефалией церковная жизнь в Грузии будет идти интенсивнее. Но, оставаясь и прежде, и теперь убежденным защитником Грузинской автокефалии, я не могу умолчать, что к осуществлению этой автокефалии Грузины приступили не тем путем, как нужно, и, по существу, создали нечто, не соответствующее основным требованиям канонического строя. Создание или восстановление автокефалии по своему существу есть акт прежде всего церковный, и потом уже государственный, т. е. влекущий за собой известные последствия в сфере государственной. Пред грузинами с самого начала открывались два пути осуществления автокефалии. Первый путь тот, какой начинается в постановлении Временного правительства 27-го марта с. г. Именно: сначала должны быть выработаны церковно-канонические основы реформы, создан, так сказать, новый церковный организм и только тогда уже можно говорить о юридических последствиях, связанных с образованием такого организма. Тогда только Временное Правительство может закрепить правовое положение этого организма в государстве. Грузины могут не тревожиться за последнее, потому что Временное Правительство дало уже обещание отнестись к восстановлению автокефалии не с порицанием, как оно относится к самочинно возникающим организациям вроде «Кронштадтской»² и др. «республик», а благосклонно. Но прямо само создать автокефальную церковь Временное Правительство не может, и в отношении Грузии таковой церкви оно не создало актом 27 марта, так как в сем акте Временное Правительство ясно отмежевывает в указанном вопросе сферу церковную и государственную, сначала, как бы говорит оно, должен быть акт церковный, совершенно независимый от государственной власти, а потом уже государственное признание этого акта. Другой путь получения автокефалии — это тот, которым, по-видимому, склонно идти Временное Управление Грузинской церковью, считающее, что актом Временного Правительства 27 марта уже дарована Грузинской церкви автокефалия, и теперь будто остается Правительству только одобрить выработанные Временным Управлением Грузинской Церкви «основные начала», и тогда автокефалия получит окончательное утверждение т. е. грузины будут иметь своего католикоса, Совет при нем и государственные средства на содержание их учреждений. Тогда только наступит время представления особой делегации от Грузинской Церкви к Святейшему Синоду, и тогда уже может последовать утверждение Грузинской автокефалии в церковном порядке, после чего обе церкви — русская и грузинская — начнут жить в мире и согласии.

Из указанных двух путей создания Грузинской автокефалии, по моему мнению, только первый путь является правильным.

Этот путь в настоящее время может быть осуществлен в двух направлениях:

Грузины могли бы или сейчас же непосредственно обратиться к Святейшему Синоду с просьбой о предоставлении им автокефалии, или могли бы подождать Поместного Собора Православной Русской Церкви и на него перенести решение данного дела. Преимущество обращения к Святейшему Синоду заключается в том, что таким путем можно осуществить автокефалию скорее, что, конечно, имеет существенное значение ввиду остроты данного вопроса. Но решаясь идти этим путем, т. е. чрез Святейший Синод, надо иметь в виду, что авто-

¹ Бенешевич, В. Н., Выводы из доклада В. Н. Бенешевича об автокефалии, *Санкт-Петербургский филиал Архива РАН*. Ф. 192. Оп. 3. Д. 106. Л. 84–90.

² «Кронштадтской республикой» в печати того времени называли Кронштадтский совет, который 16 (или 17) мая 1917 г. принял решение о непризнании Временного правительства.

кефалия Грузинской Церкви может тогда оказаться временным явлением, тогда как грузины заинтересованы получить церковную независимость не на известный промежуток времени, а навсегда. Последнего рода автокефалию может дать только постоянная власть, какую ни Временное Правительство, от которого грузины желают получить автокефалию, ни сам Святейший Синод, если бы они к нему обратились по данному делу, быть не могут, так как первое из них — существует лишь до Учредительного Соборания, а судьба второго, т. е. Святейшего Синода, должна разрешиться на Поместном церковном Соборе. Поэтому если бы Грузины обратились к Святейшему Синоду с указанной выше просьбой, то со стороны последнего можно ожидать заявления, что окончательное разрешение дела о восстановлении автокефалии Грузинской Церкви подлежит решению Всероссийского Поместного Собора.

В крайнем же случае, если бы Святейший Синод, уступая просьбе грузин и с целью избежать церковной схизмы, и согласился теперь же восстановить автокефалию Грузинской Церкви, то грузины все таки должны примириться с временным характером этой автокефалии, — имея в виду, что окончательное решение о ней дела принадлежит Поместному Собору, который может перерешить дело вновь.

В том случае, если грузины имеют мужество прямо и смело обратиться за разрешением вопроса об автокефалии к Святейшему Синоду, все акты, изданные с 12 марта и до сего времени Управлением Грузинской Церкви, должны быть аннулированы, т. е. должны утратить свое значение, и т. к. самый акт самовольного восстановления автокефалии Грузинской Церкви является деянием незаконным в церковном отношении, то лица, виновные в этом деле, должны подвергнуться самому суровому церковному взысканию, тем более что своими действиями они создали разруху в церковной жизни Закавказья.

Но я уверен, что грузины этим путем не пойдут. Они ждут восстановления автокефалии от Временного Правительства, которое между тем, как я уже сказал, не может дать им более того, что уже дало. Впрочем, в крайнем случае, если бы, несмотря на голоса благоразумия, грузины стали бы усиленно домогаться осуществления своих церковных прав пред Временным Правительством, последнее, не касаясь все-таки существа церковного вопроса, могло бы дать им внешний строй, какой имеют, напр., армянские³ или старообрядчески религиозные общества. Но тогда «автокефальная Грузинская Церковь», наряду со всеми инославными и иноверными религиозными обществами, должна находиться в ведении Министерства Внутренних дел.

Говорят о возможности давления Временного Правительства на Святейший Синод, но я уверен, что Временное Правительство не имеет сил заставить Святейший Синод признать установленную гражданской властью «автокефальную Грузинскую церковь» сестрой православной русской церкви.

В марте месяце это еще, пожалуй, было бы возможно: в это время Синод мог бы уступить давлению государственной власти и мог бы издать акт, благоприятный для Грузинской автокефалии. Но теперь время уже не то, поэтому я и говорю, что Временное Правительство не может дать грузинам той автокефалии, которая им нужна, не может сделать Грузинскую Церковь сестрой русской православной церкви. Если Временное Правительство и даст Грузинской Церкви автокефалию, то дарование такой автокефалии не свяжет Святейший Синод в церковноканоническом отношении к епископам и пастве Грузинской, состоящим до сих пор в его ведении. Стоя на строго канонической почве, Святейший Синод собственно должен бы был

³ Стремясь разрешить юридический казус, связанный с появлением в России независимой православной церкви, В. Н. Бенешевич обратился к истории принятия законов и постановлений, регулирующих деятельность армянских религиозных организаций: Армянской апостольской церкви и Армянской католической церкви (армяно-католиков, как это указано в документах). В частности, он опирался на аналитические записки, подготовленные В. Н. Осецким: «Положение 11 марта 1836 года и эчмиадзинские католиконы под русским владычеством. Исторический очерк, составленный в Управлении Главного начальствующего гражданскою частью на Кавказе» (1904), «Записка по разным вопросам, касающимся армяно-григорианского духовенства. Составлена в Управлении Главного начальствующего гражданскою частью на Кавказе» (1883).

теперь же подвергнуть всех епископов, причастных к делу автокефалии, строжайшему взысканию, и если бы от грузинского клира явилась к нему в Петроград депутация по данному делу, то он имел бы полное право спросить: «А кто позволил вам сюда явиться?». И депутация на это ничего не могла бы возразить основательно.

Грузинская церковь в настоящее время, как особое церковное тело, абсолютно не существует, никаких изменений в порядке управления Грузинским Экзархатом, собственно, не произошло... Попечение о церковном управлении Грузии по-прежнему лежит на Святейшем Синоде. Но Временное Управление Грузинской Церкви держится другого взгляда: оно полагает, что заботы о внутреннем устройстве Грузинской Церкви лежат только на нем и никто не имеет права вмешиваться в это дело. Когда получена была в Грузии программа Предсоборного Совета, автокефальцы должны бы были возмущаться тем, что в эту программу включен вопрос об устройстве церковного Управления в Грузии, каковой вопрос, по заявлению Грузин, не подлежит решению даже Поместного Собора.

Временное Правительство в вопросе о Грузинской автокефалии не может действовать по отношению к Святейшему Синоду принудительно и не имеет к этому никакого основания. Временное Правительство должно перенести себя в аналогичное положение: признав автокефалию Грузинской Церкви, оно сделало бы то же самое, как если бы Святейший Синод или Собор послали приветствие «Кронштадтской республике».

В вопросе о самовольно возникшей на Кавказе автокефальной церкви не надо забывать многих обстоятельств, которые обуславливаются разноплеменным составом населения данного края. За делом Грузинской Церкви наблюдают на Кавказе ревниво многие народности. Если Грузинская Церковь получит какие-либо привилегии от Временного Правительства, то последуют подобные же притязания и со стороны, напр., Армянской церкви. Если же Временное Правительство учинит такое насилие над Русскою православною церковью, что последняя признает Грузинскую автокефалию, то могут заявить права на такую же автокефалию абхазы, осетины и другие кавказские православные народности, зараженные общей болезнью национальных меньшинств. Абхазы уже заявили права на автокефалию, но Синод им ответил, что это дело Собора, и ответил вполне правильно. Но такой же ответ должен быть дан со стороны Синода и грузинам.

Далее, на Кавказе есть еще греческое православное население, в некоторой части зараженное, как выражаются на месте, «грузинщиной»; оно, по примеру грузин, высказывает желание иметь греческого архиепископа для всех греков в России.

Среди некоторых православных греков и русских на Кавказе есть и такая тенденция: если Синод, уступив требованию государственной власти, согласится на признание Грузинской автокефалии, то они, русские и греки, скорее согласятся образовать свою автокефальную церковь, чем остаться в ведении такого Синода, который признал возможным войти в общение с неканоническою Грузинскою Церковью. Наконец, среди греков высказывается и та мысль, что в данном вопросе необходимо считаться и с мнением Восточных Патриархов. Потому что если бы стало известно, что автокефалия дана помимо Русской церкви или хотя и с согласия ее, но под сильным давлением светской власти, то патриархи могут отнестись к автокефалии несочувственно. Вот с какими течениями церковной мысли необходимо считаться на Кавказе и вот почему я нахожу, что если грузины в вопросе о восстановлении автокефалии обратятся только к Временному Правительству, то они изберут путь неправильный, который в будущем неизбежно приведет к церковной схизме.

Имея в виду пользу церковного дела, Временное Правительство должно твердо стоять на почве декларации 27 марта. Оно должно только раскрыть содержание этой декларации, чтобы не было злоторкований. Но грузины не считаются даже и с Временным Правительством. В декларации 27 марта установлен национальный характер автокефалии, но грузины этим недовольны, и если в силу необходимости и соглашаются на такую автокефалию, то только для того чтобы ее опорочить, причем не стесняются говорить, что они принимают такую автокефалию для того, чтобы бороться впоследствии за автокефалию территориальную.

Вместе с этим я должен отметить, что ни в каком случае нельзя национальную автокефалию Грузинской Церкви считать за восстановление древней самостоятельной Грузинской церкви, чего так сильно добиваются грузины.

Временное Правительство, по моему мнению, должно разъяснить истинный смысл своей первой декларации, умышленно перетолковываемой грузинами неправильно, и затем все дело предоставить усмотрению Поместного Собора, или — если грузины заинтересованы в спешности — усмотрению Святейшего Синода.

Временное Правительство само в декларации 27 марта заявило, что в церковно-каноническую сторону вопроса оно не вмешивается, между тем выработанные Временным Управлением Грузинской Церкви «основные начала» во многом затрагивают церковно-каноническую сторону вопроса и многие из них без сношения с Святейшим Синодом проведены в жизнь быть не могут, так, напр., нельзя без сношения с Святейшим Синодом передавать грузинам принадлежащее ему имущество.

В «основных началах» говорится о новом строе Автокефалии Грузинской церкви, намечаются новые органы ее управления и т. п. Ясно вижу, что Временное Управление Грузинской церковью не настолько компетентно, чтобы создавать эти органы, и Временное Правительство сделало бы очень неосмотрительный шаг, если бы без сношения с Православною Церковною властью даровало свою санкцию этим органам.